

Слово похвалное о баталии Полтавской

СЛОВО ПОХВАЛНОЕ О БАТАЛИИ ПОЛТАВСКОЙ, сказанное в Санктпитебурхе в церкви Живоначалныя Троицы чрез честнейшаго отца ректора Прокоповича июня в 27 день 1717

Достохвалное дело, слышателіе, дело воистину достохвалное с радостію и веселіем и с должным всесилному богу благодареніем летнюю творити память преславныя Полтавскія вѣкторіи, сіесть всемирныя рода нашего славы, крайнего супостат наших постыжде- ния и божіих к нам благоденій неописанных. Аще бо и не может не паметовати сего всяк сын россійскій, яко незабвеннаго своего благополучія, аще и неприятель забыти не может, яко язвы своя не- исцельныя, однако же да не неблагодарни возмнимся быти тако нам благодѣявшему госпуду, достохвалне наворачаем праздниственное сіе толикаія победы воспоминаніе. Буди нам не в пример древній еллинских и римских и прочив славолубных людей обычай, кото- рые великим издивеніем сооружали столпы, и врата, и обелиски, и пирамиды, и иныя тропеи, или победоносныя знаменія, еже бы в них оставим неумирающую славных дел своих память последним веком. Хотя и нам таковаго попеченія ничтоже возбраняет, но и вопреки: человек о славе отечества своего нерадящій всегда у мужей мудрых в не дорогой цене ходит, яко малодушный и грубый. Одна- ко же буди не в образец нам, яко христианом, и вышшей и не суетной небесной бо славе простирающымся, не в образец, не в приклад нам, глаголю, буди обычай язык славы истинныя непознавших. Обаче не можем ослушны быти самаго бога воле, который, вся творящій в славу свою, велит благоденія своя имети нам приснопамятна и незабвенна. Ясно о сем засвидетельствова царствующій его псалмопевец: «Елика заповеда, — рече, — отцем нашим, сказати я сыновом своим, яко да познает род ин, сынове родящіиися, и вос- танут и поведят я сыновом своим, — да положат на бога упование свое, и не забудут дел божіих, и заповеди его възыщут» в котором слове, кроме должнаго благодаренія, видим и инныя вины спашенный, нонуждающыя нас творити память божіих благоденій, сіесть упование на бога и възысканіе заповедей его. Имеюще бо в живой памяти благоденія к нам божія, веруем, яко милостив к нам есть, и тако уповаем на него; познаем, яко благ есть, и тако к заповедем его поощряемся. Достохвалное убо дело есть летняя сия,

юже днесь совершаем, память победы Полтавския. Умолчим ли убо и не воспомянем ли, что виде сей восемь лет назад на Полтавском поле? Да молчит и снедается в себе врагов наших зависть, нам же немолчно о сем восклицати подобает. И за благополучие себе вменяю, яко повеление имам толикой славе словом моим послужити. Аще бо и весь мир о сем во всех ближних и дальних странах гласит, аще и произошли на различных уже языках истории, аще и наше каковое либо похвальное о том было слово, однако ж дело сие толикое есть, яко и повторения достойно, и к многоречию довольно обретается.

В сем бо едином увидиш, славеноросский народе, дивное твое, аки от готовой погибели, избавление, врагом твоим студное их поправление, славы и державы твоея умножение. В сем едином увидиш Россию отрожденную, возмогшую и совершенно возрастшую. Увидиш же то, аще рассмотрим, коликая супостатская лютость и сила уготована была на нас, и како она оружием российским сломлена на Полтавской баталии, и кия плоды толь преславной виктории родилися нам. Точию не стужим слышавше сие, яко повесть нашего истаго благополучия.

Да познаем, в первых, лютость и силу супостатскую. Сие предложит разсудити, что инныя в народах брани обычне бывают от правосуднаго гнева за нанесенный обиды, а сия брань на нас шведская възъярилась от зависти и рвенія. Шведская, рех, аще не паче реци, многогородная: мнози бо шведом ово железом, ово серебром, ово делом, ово словом и советом против государства Российскаго содействовали. Были тебе, о Россіе, древние и правильные вины, еже бы иногда оружием отмстити обиды, тебе нанесенныя от сего супостата, и отгорженныя наследственные твои сия области возвратить паки в державу твою. Однако же к чему тебе самая правда путь показовала, к тому нуждею тебе привлекла неприятелская зависть, давно уже рожденна против тебе и до наших времен не только не умалена, но паче и паче умножившаяся. Превеликая бо еще от древле зависть в сих наших добрых двоих или триех соседах рождена есть от близкости, разъяренна от частых войн, воспитанна от наших благополучий, укрепленна закона и правительства разноличіем; та же в самое совершенство возрасте, егда увиде Россию, Петром Первым, благословение им царствующим, в совершенный силы и славы возраст пришедшую. Вен сия особливо разсмотрим, не тако ли есть.

Родился зависть на нас от соседев наших от самой близкости. Родится всяка зависть от гордыни, егда человек не весело зрит другаго себе или сравняема, или и предъуспевающа. Однако же гордыня не родит зависти к дальним, но к ближним: к ближним, глаголю, или по чину гражданскому, или по делу воинскому, купеческому, художескому, или по крови и племени, или по дер-

жаве верховной и протчая. Например: не завидит купец воину его мужества; не завидит воевода священнику его учителства; не завидит кузнец живописцу его искусства. Не живет зависть в разности, живет в близкости: воин воину, властелин властелину, художник тогожде дела завидит художнику. И по тому, мню, деется что мало согласия между братией, и союз крове, где бы имел быти виновен единодушия и любви, бывает виновен распри и вражды, и сие разсуждение есть Василиа Великаго в слове против завистников. Кто же не видит, аще не тако деется и в ближних себе народах? Аще не тожде содеяся и в соседах наших? Просияла по лютых временах царская в России корона, воспламенися тот час в ближнем сем и инных народех зависть от гордыни. От гордыни глаголю: в той бо стороне зависть живет, в которой и мать ея — гордость. Что ж? Россия ли возгордилася на сосед своих? Не могла и мыслити того, рада о своем по многих бедствиях освобождении. Но соседи наши не могут извинитися от гордости, осуетившиися бо высокоумием своим, яко народи суть мнимыи себе сильнии и умнии, народ наш, яко немощный и грубый, презирали. Как же они весело глядети могли на поднесенную державу Российскую, будучи нам близкии, иннии рубежами владения, иннии же сверх того и единством корене славенскаго?

Возгремели по том брани, с сими за Карелию и Ингрию, с другими за Смоленское княжение, с обоими за Ливонию, еще и за ложных Дмитриев, и за пресеченные высокия надежды Владиславу польскому и королю шведскому принцом. А кто же скажет, что супостатской zde зависти не умножилася безмерная ярость? Когда, многократно потщавшиися или сломити, или похитит роское скипетро, принуждена воспятитися, аки бы распаленнаго железа коснувшиися, а сие то было зависти оной разъярение. Яко же бо медведь, чией крови челюстями своими захватит, на толь лютее мечется, тако л человек завистный, вкусивши, а не пожерши ближняго, умножает в себе рвение.

Что ж? Егда державу Российскую от нападений неприятельских сохранив бог, и еще к тому миром, изобилием, благолепием, расширением области благословити изволил; егда и Малая Россия, исторгнувшиися от ига польскаго, под крепкую десницу монархов своих наследных возвратися; егда славу и утварь царскую, угасшую на константинопольских, на наших самодержцах блистающуюся, увиде мир, — не то ли было разъярение зависти сосед наших? Известно любопытным естеством взыскателем есть, что магнит камень силу свою, которою влеком есть к железу, окормляет, силою железа себе обложеннаго. Тако воистинну и зависть кормится и растет чуждым благополучием, себе близким; в том

только не ревность, что магнит таковым способом идет в болший союз, а зависть в болшую вражду зажигается.

А яко же обычно есть мечты и копии острые, сковавше противными стихами, жаром и мокротою закаливати, тако недруги наши завистную свою на нас ярость закрепили, видяще у себе и у нас в законе и в державе, во обычаях несогласие, инный вид правительства, противное исповедание, разные обряды. Что все аще и бывает инде с неповреждением дружбы, однако ж где зависть, там все тое есть оной укрепительная материя.

Что еще не доставало до сих? Еще нечто было, чего не завидели нам соседи, и было нечто, о чем боялися, дабы не было. Не была еще регула воинская, не были искусства инженерские, не было обоего чина архитекторы, не был флот, не была сила на море. Сих нам не завидели, ибо еще не видели, и о сих боялися, дабы когда не увидели. Да то может быть догад мой? Ни! От их же самых имеем известие. Густав великий король свейский с великим пререканием писал к Елисавете, королеве аглинской, за то, что она несколько пушек послала в дар царю Иоанну Васильевичу, уличая оная неопасность, яко показующия нам силу оружную; той же заповеда своим под смертию, дабы кто воинскаго учения и оружнаго художества не преносил в Россию. В лето 1563 был сейм в Любеке, городе поморском, где установлено також, дабы от них не дерзал кто преходити к нам с искусством воинским и дела корабельнаго. Граф Гербесштейн, бывый посол к России от Максимилиана кесаря, увещевает Германию, дабы опасна была от России и не ноказовала бы нам способов военных. Самуил Пуффендорф судит королевство Шведское безпечалное быти от Руси за крепостьми Нарвою, Ноттенбургом, Выборгом и инными: не чаял, знать, что будет. Тот же дацкаго короля с Россией союз суетный и безнадежный нарицает, яко с народом дальним и флота неимушым: не надеялся, что имело быти. Много бы того произвести мощно, если бы о том едином слово было.

Что ж тут скажем? От рода завистником было видети еще в России многия недостатки к силе совершенной. То не крайняя ли възъярися в них зависть, егда увидели все то, чего не желали, исполненно! Возрасте в совершенный возраст сила и слава российской дивным во всем и еще первым таковым своим монархом, богомвенчанным Петром. Увидели противницы обученное добре наше воинство; увидели всецело устроенную артиллерию; увидели поднесенная флота нечаянное флаки; услышали смутившийся Стамбул на посольство росское, новым к себе путем водным приспевшее. Что се есть? (помыслила в себе зависть). Туды пошла Россия, таков успех ея? Сего мы на ней дождалися? Не тако: исторгнути оной щастие сие или самим нам погибнути, а смотрети

на сие невозможно. Если се кто назовет умствование наше риторское и если то не в самой вещи было, то, молу, которая могла быть причина оной рижской укоризне и гонению смертному на Петра, монарха нашего, умышленному чрез Далберда коменданта? Тем ли не згибель свою заслужил у них державный сей путник, что в Голандию и иные далекие земли странствовать изволил! Тем воистинну у зависти заслужил. Видели господа шведы, колико прибудет искусства от тоя дороги монарху, с природы быстроумному, того ради умыслили восприятый ему путь запяты или еще несовершенно обучившагося к войне себе угоднейше раздражити. И се видим и зависть, се и войну, от зависти зажженную.

Но к чему слово сие — от зависти! К тому, да увидим трудность необычную войны сея и, последовательне, славу ныне поминаемая виктории. Гнев бо простый, правосудный, за укоризну и обиду меч себе припосясующий, довольяется смирением и удовлетворением от стороны противныа, а зависть, на брань исходящая, крайняя ненавидимых себе погибели ищет. И по тому не так праведно отмстительных гнев, яко добронепавистная зависть глубоко мыслит и силу приискует. Она умна и бодра велми есть. Грубый и невежливый простолюдин, о котором помыслил бы еси, что троих считати не умеет, — чтож егда на кого завистию горит, не ведает, откуда прибудет ума ему, и так тонко умствует, как и философ не может. То что рещи о зависти быстроумной и хитростями политическими обученной? Пользует ли, или ни, вспомянути уже zde супостат наших ухищрения, лукавства, подступы, наговорки, прелести, к тому силу, от различных народов, от согласий варварских, от разграбленных многих провинцей без меры умноженную? К чему сия сказовати пользует? Видели есте и еще аки бы до днесь пред очима имате вся сия, вельможи, военачальницы и воины россиятии! Однако же поне нечто, поне некую часть сказати радость нынешная велит, и не терпит сердце молчания. И надеюся, что не стужите, слышателие, но и в сладость примете слух бед оных, уже помощию божиею прогнанных, которых нашествие горько было терпети.

Видели мы доселе, что война сия произошла от зависти, да видим же и се, что от войны сея большая супостатом родилася зависть и рвение. На первом под Нарву походе неблагополучием нашим много подросли роги неприятелю и подтвердилось древнее их о роде российском презрство. Уже ж такому, когда потечет дело против его надежды, изрещи трудно, коликое разжигаете рвение. И се пошло по желанию, не сталося по высоком вашем мнению, супостаты! Вы начаялись, что уже весьма сломленное русское оружие и не глав ваших досязати, но под ноги вам поврещися готово. И се не так, не туды. Разбила русская храбрость замок ваш

Ноттембург, разорила Канцы, добыла Дерпта крепкаго, сломила железную Нарву, и еще при свидетельстве турецкаго и польскаго послов, не вем как любо тое смотревших. Что ж протчия крепости Ивангородская, Мариембургская, Миттавская и протчие? Что ж победоносные на разных местех баталии, наипаче же преславная оная победа под Калишем? Вся сия по чаянию ли вашему? По вашим ли сладким надеждам? Но что наипаче (мнится мне) гордыя сердца раздражило, сие есть, что война сия на много лет продолжилася. Как се люта я им зява! Как нестерпимая болезнь! Неприятель наш начался одним своим замахом все дело совершити, начался силу российскую в своем времени испразднити, начался скоро величавое оное Юулия кесаря воспети торжество: «приидох, видех, победих». И се война ему протягается до девяти лет и на многия места преносится, во Ингрию, в Ливонию, в Курляндию, в Литву, в Саксонию, в Польшу, а всюду с уроном, всюду с следом крови его. Как се досадно было им мыслити: Швеция, оружием славная, се Швеция, всей Европе страшная, гофрский народ, имя ужасное народ гофрский с Россиею девять лет борется, а еще бедно!

Каковых тут не поискала ухищрений гордая зависть и завистная гордость! Не к инному чему смотрело оное тщание, чтоб скоро примирити француза с цесарем, только дабы оный надежный неприятелю нашему друг, освобожден от войны оной, возмогл удобную ему помощь дати; не инамо настроени было оное неправильное Лещинскаго коронованье, только дабы, доброжелательнаго монарху нашему друга Августа изгнавше, и силы польския себе присовокупити; не в инный конец намерено было нечаянное нашествие и разграбление Саксонии, только дабы того ж союзника царскаго отчаянна отовсюду и нам беспомощна сотворити. И кто протчия хитрости и тщательства коварныя исповесть? Сие едино не упустить приличествует, что когда так приискал сил себе иомощных неприятель, а нам не точию внешняго пособия не ставало, но и внутренняя мощь началась было умалятися. Бунты оние донские и астраханские, аще не тайное было действие супостат наших видимых, то содействие было невидимаго врага им в пользу и се, а нам на вред и скудость. Славим премудрыя твоя судьбы, боже наш, хвалим смотрение твое! Вся бо сия тако изволением твоим устроена быша, дабы победа Полтавская, юже готовал еси рабом твоим, толико дивнейшая и славнейшая была, елико была меньше ожидаемая за таковыми трудностями.

Но приступим уже ближе к самому крайнему делу. А тут в первых и есть пред очи скверное лице, мерзкая машкора, струп и студ твой, Малая Россие, измена Мазепина. О врага нечаяннаго! О изверга матери своея! О Иуды новаго! Ниже бо да возмнит кто излишнее

быти негодование Иудю нарицати изменника. Подражавший Иуде злобою, како не достоин есть и имени, участник быти? Законно царствующий монарх всяк имать державу от господя и силу от вышняго, и по глаголу премудраго, божий слуга есть и не без ума мечь носит, по словеси Павла апостола к римляном, 13. И что больше? Христос господь есть, по ответу Давида царя; достойно убо Христов предатель Иудю нарицается. И предпоказа нам давно уже приклад на сие великий он Афанасий, который Магнетия, подобие изменившаго царю Константию, Иудина подражателя нарицает в ответном слове своему к тому же монархе. Коликое же отечеству нашему повреждение сотворися предательством Иуды сего новаго, вкратце исповести невозможно. Аще дерзнул бы, или ни, неприятель внити в Россию без звания и руководства Мазепина? Не моего ума есть разсуждати; то довлеет, что руководством введен есть, и с ним купно введено крайнее бедство. Советы тайные, которых окаянник той был известен и причастен, стали не действены; вновь советовати и много инако престоивати нужда была. Всюду смущения и междоусобие, и наступил темный сумрак, и аки оная осяжимая мгла египетская, не на воздухе, но в сердцах человеческих. Во тме бо египетской не виде никто же брата своего, яко же глаголет писание, но в лице не виде; в сем же сумраце изменническом никто же не виде в сердце брата своего: так невозможно было знати, что кто думает, наш ли есть или от сопротивных, и египетская тьма три дни только была, а тма сия тяжкая восемь месяцев помрачила. Вопреки: супостатом великое во всем угодие, многая пристаниша, правиянт по гладе довольный, случение отчаянных запорожцов; еще ж и от Польши, и от Орды помощи ожиданны были, а тое понудило силы руские итти в разделение. И, словом рещи, внутренняя то война стала, которой мудрии управители, яко крайней гибели, всегда оберегаются. Есть ли бы не предварила храбрость и по отечеству своему нещадная ревность монарха нашего, есть ли бы не предварила великих сил Левенгоптовых под Пропойском и не разрушила бы оных в конец, и есть ли бы не подстережен был понурый изменник прежде случения его с шведом, и есть ли бы швед до целого Батурина, уготованной к междоусобию столице, вшел, то бог весть что бы было. Силен был бог наш, крепкий в бранех господь, силен был и тако нас сохранят Однако ж по благоутробию своему подал нам утешение, предварил нас щедротами своими и, аки денницу, веселый виктории день возвещающую, предпосла нам благополучныя утехы: разбит Левенгопт, подстережен пред делом своим изменник, разорен и разсыпан Багурин. Не радуется крови братней, елико неповинне пролияся, но да вопиет она на виновника своего Каина: да обратится болезнь твоя на главу твою, безсовестный предателю!

Ты, ты, Иудо злочестивый, в первоначальном малороссийском граде не странным, но домашним нашим устроил еси место погребения.

Продолжалось так лютое бедство с некими на обе страны переменными успехи чрез осьмь месяцев, таже блисну день Самонов. О день приснопамятный! О день многих веков дражайший! Виктория, слышателие, виктория! А кто викторию сию, а кой язык, кой глас по достоянию провозгласити может! Аще бы громы по человеческому говорити умели, тое разве витийство было бы достойно к славе сей.

Утренневал неприятель, напал на редуты и получил некую себе утеху. Но к чему? Только дабы известно сотворить, что не дремлящих, не сонных мы победили: они паче побудили наших к своей погибели. Вступили в огонь две славныя армии: тую устремила ярость гордая, уже за рвение и житием стужающая, сию же ввела праведная ревность и печаль, на бога возложенная. Воскликнул не один: «Буди, господи, милость твоя на нас, яко же мы уповаем на тя!». Блисну отовсюду страшный огонь, и возгремели смертоносныя громы. Отовсюду чаяние смерти, а дымом и прахом помрачился день; непрестающая стрельба, а упор неприятельский неприклонный. Но сердца российская ваша, храбрейшии генералы и протчии офицеры, ваша вси воины дерзостнейшии, сердца забыли телеснаго своего состава, возомнилися быти адамантиновы, или паче забыли житейския сладости и смерть предпочли на житие: так вси прямо стрельбы, в лице смерти, никто же вспять не поглядает; единое всем попечение, дабы не с тылу смерть пришла.

Но паче всех обращает на себе наши очи Петр, Петр, и к скипетру и к мечу родившийся, самодержец наш и воинственный наш. Где не с стороны, аки на позорищи, стоит, но сам в действии толикой трагедии, и где страшнейший огонь, где лютость большая, ту и он; и как о правлении государства ни покоемжде государе другий он не есть, так и в деле воинском никоему же воину тщится быти непоследний. И засвидетельствова страшный случай мужественное его смерти небрежение: шляпа пулею пробита. О страшный и благополучный случай! Далече ли смерть была от боговенчаннаы главы? Не явственно ли сим показа бог, яко сам он с царем нашим воюет? Повеле приступити смерти к нему, но запрети коснутися его. Тут же купно и сумнительство исторям и притворение завистным вестям пресечесе. Нельзя говорить: латами обложен, шлемом твердым покрытый был царь Петр, — шляпа пробитая заградит уста; нельзя говорить: себе ради не шадит крови людской царь Петр, — шляпа свидетельствует, что и своей крови не шадит. Известно убо есть, яко целость отечества своего купует кровию, а купует по нужде; нельзя бо говорить, что

и отчаянно воюет. Мощно реши о сопротивнике его, что отчаянно на смерть ходит; гордостью бо и рвением поощряется и, яко уже не однократно делом показа, и в щастии, и в нещастии своем мира не любит. Но богомудрый наш монарх и полезнаго мира всегда ищет и, нуждею в войну влекомъ, так не странит себе от смерти, как то свидетельствует шляпа пробитая. О шляпа драгоценна! Не дорогая веществом, но вредом сим своим всех венцев, всех утварей царский дражайшая! Пишут историки, который Российское государство описуют, что ни на едином государе не видети есть так драгоценной короны, как на монархе российском. Но отселе уже не корону, но шляпу сию цареви разсуждайте и со удивлением описуйте.

Но что прочее на бою деется? Виктория твоя, о России! Виктория! Два часа жестокий огонь вытерпели шведы и повинилися, не удержали оружия своего, не стерпели нашего: множество трупнем услали поле Полтавское, множество в плен захвачены, и с ними оный прехитрый министры, и оный величавии и именем страшнии генералы с нестерпимым студом достались в руки русские. Множество в невозвратный бег себе вдавшие, и тии под Переволочною себе и оружие свое предали победителем. Где твоя бодрость, промысл, и резон особенныя похвалы требует, римскаго и российскаго государства светлейший княже! Сам державный супостат, который государю нашему мирный в Германию путь воспящал, не нашол иути возвратися к своему отечеству.

Тако судил господь обидящия нас, тако разсудил проу нашу с ними. Идите уже, храбрые свей, славите непобедимую вашу силу, а наше безумие ругайте! Мы же, российстии народи, что достойное воздамы тако нам благодеевшему господу? Како бо неописанная сия победа, кто не видит! Зависть и гордость воевала с нами, а коликая гордость и зависть, предложили уже мы, аще и не равным словом. Сего еще минути молчанием не подобает, что соперник монарха нашего, неукротимым рвением помрачен, не разсуждал уже, каким бы честным ему и славе шведской не противным способом воевать. Да господствует бо мне именем России произнести слово: величеству, российский гонителю, честно ли твоему и имени было принимать помощь изменническую? А так мудрии и великодушнии государи обыкли — всегда сие имели за стыдное и безславное себе. Слышал еси в историях, как Фабриций, вожд римский, поступил на войне с Пирром, царем Епиротским? Когда прибеж к нему изменник от Пирра, обещааяся, что может погубити государя своего, Фабриций его отослал к Пирру, за студ себе имея так побеждати неприятеля. Слышал ли еси о Александре Великом, как отвергг послать Бесса и Набарзана, Дариевых изменников, которые

ему Дария предати обещали? Самих же, по том убивших государя своего, смерти иредаде. Не неведал еси и о Давиде, како не стерие слышати убийцы Саулова, и не прямого убийцы (не убил бо, но добил Саула, и то по его же прошению) и убити повеле, приглашая слово сие: «Како не убоялся еси воздвигнута руки твоя на христа господня?» Инако ты мудрствовати изволил еси. Но понеже сие имело быти срамно: швед, славный воинами гофин, требует себе козацкой помощи? На то ли ему сошлося? Рвение то, слышателие, рвение и ярость крайняя была за злобу и чести своея забывшая, а по тому и война с таким трудная. Тую ж то трудную войну сломила сия преславная виктория. Тут самое жало неприятельское притуплося; тут самый лютейший яд угашен; тут все оные древние сосед наших на помыслы окончилпся: дождались вси того времени, что всуе запрещать, дабы кто делати оружия и оружием действовать не учил россиан. Кие же плоды аки с плодовиатаго корене от сея победы израсли? Ниже бо победа сия довольствуется одною оною обычною прибылюю, сиесть славою, аще и сама слава сия не малая России есть корысть, яко не одну или другую соседскую землю, но вся мира сего страны наполнившая. Ниже то виктории сея обилие только есть, яко супостаты наши вся своя имения, нещадно по различным государствам награбленная, оставили нам. Ниже и на сем определяется благополучия российского оружия, что отечество наше от толиких бед, от хищения, работы, крови крайнего своего падения освобожденно есть. Но множайшыя, кроме сих всех, издаде нам плоды поле Полтавское; Полтавская бо победа мпоптх ипных побед мати есть. Не она ли виновна есть, что Рига со всею Ливониею, Выборг и Кексгольм со всею Карелиею, Абов с непобедимою (яко же словящесея) Финиею, Ревель, к тому и Пернав, и Ельбинг, и Динамент, и Стетин, и Стральзунд, и инные крепости покорилися, и в малом времени толикое совершилося дело, которое многолетних и кровавых трудов требовало. Вем, что новые, кроме полтавских, труды zde были: однако оные от Полтавской виктории имели силу свою. Под Полтавою, о россиане, под Полтавою сеяно было все сие, что после благоволи нам господь пожати. Стены еще только упомянутых градв стояли, а духи и сердца оных под Полтавою были уже сокрушенны. Есть ли истинно или ни, что натуральные историки повествуют, будто от блистания молнии на Маргариты зачинаютсая, а се известно есть нам, что вся сия державы Российской прибыли и корысти, аки дражайшыя царскаго венца Маргариты, от молний и громов, на поле Полтавском бывших, зачаты и рожденны суть.

И кто уже не видит, что виктория сия и отгоди, и укрепи, и в совершенный возраст приведе благополучную Россию?

Что убо воздадим господеву о сих, яже воздаде нам! Добре и достождолжне при воспоминании толикаго дара божия совершаем благодарение богу нашему. Но сие всякому помыслити надлежит, что не так от уст, яко от сердец, не тако от словес, яко от дел наших благодарствия требует бог наш. Требует и устен и словес, но которые согласие имеют с сердцем и дела нашими. Инако не благодарение, но паче укоризна будет. Благодарение ли есть славити бога усты, яко сотворити нам по желанию нашему, а делом не творити по святой воли его? Благодарение ли есть, за толикую честь хулити имя его, за славу толикую презирати прославившаго нас? Что пользует, яко победихом видимых врагов, аще невидимымд самовольне предаемса в плен? Кая отрада отечеству, яко от внешних неприятелей освободихом его, аще сами на себе междоусобно завистию, враждою, клеветами и иным злобы оружием воевати не престанем? На сие ли нам толикую победу дарова господь, да отразивше от себе лютых супостат, угодно нам будет разоряти братию? Не буди то, не буди нам то, о православнии! Но паче, ощутивше благодатное у нас присудствие божие, толиким благословением нам явленное, воздадим ему благодарение не так гласным пением, яко сердечным умилением, не так покланяюще телеса, яко души наша в послушание заповеди его подчиняюще, или паче рещи: сие и оное совокупляюще, прославим бога в телесех наших и душах наших.

Не сумнюся, яко сие проповедует всякому нелицемерне православному совесть своя, паче худоречия моего, и яко в сладость оную послушает душа благочестивая. И аще тако есть, то достойно в празднество нынешнее друг друга возбуждати имамы ко общей радости, достойно друг к другу с игранием сердца воскликнем. Радуйтесь богу, помощнику нашему, воскликните богу Иаковлю! Примите псалом и дадите тимпан, псалтир красен с гусльми. Кто возглаголет силы господни? Слышаны сотворит вся хвалы его? Велий господь наш, и велия крепость его, и разума его несть числа! Десница господня сотвори силу, десница господня вознесе нас. От господа бысть се, и есть дивно во очию нашую. С нами бог, разумеите языцы и покарайтесь, яко с нами бог. Аще бо паки возможете, и паки побеждени будете, яко с нами бог. Господь сил с нами, заступник наш бог Иаковль. Благословен господь бог Израилев, и да рекут людие: буди, буди!

Печатано в Санктъпитербурже 1717 году, месяца иулиа в 28 день.